

ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Творчество писателя, его жизненная судьба, своеобразие его личности, его деятельности определяют особенности мемуарной литературы о нем, Некрасов - явление исключительное в русской литературе, он новый тип писателя. Он и поэт, одаренный могучим талантом, и журналист, и издатель, на протяжении почти трех десятилетий редактор органов революционной демократии - журналов "Современник" и "Отечественные записки", собиратель передовых литературных сил эпохи. Некрасов прожил жизнь яркую, трудную, по-своему героическую.

В его биографии своеобразно сплелись демократизм испытывавшего всю меру жизненных тягот, нищеты, унижений разночинца и барские замашки, порою привычки родовитого дворянина. "Личность Некрасова, - писал в 1892 году А. М. Скабичевский, - является и до сих пор еще камнем преткновения для всех имеющих обыкновение судить шаблонными представлениями" {А. М. Скабичевский, Литературные воспоминания, ЗИФ, М. --Л. 1928, стр. 213.}. Вокруг Некрасова, особенно в годы его поэтической славы и влиятельного положения редактора самых популярных среди прогрессивной интеллигенции журналов, сталкивались различные интересы, мнения, кипела борьба, которая подчас сопровождалась клеветническими измышлениями, недостойными инсинуациями. Поэтому столь полемичны многие мемуарные сочинения. История их появления - история реальной общественно-литературной борьбы вокруг Некрасова.

Первые воспоминания увидели свет еще при жизни поэта, и в них речь шла преимущественно о самых последних, завершающих его творческий путь годах. Ф. М. Достоевский и А. С. Суворин сделали попытку охарактеризовать личность поэта, поведать о предсмертных физических и нравственных его страданиях, когда он, оглядываясь на свое прошлое, корил себя за свои былые ошибки.

В центре появившихся уже после смерти поэта воспоминаний его сестры А. А. Буткевич, А. М. Скабичевского, Ип. В. Панаева, П. Д. Боборыкина, новых фрагментов Ф. М. Достоевского и А. С. Суворина--личность Некрасова, с его сложным внутренним миром, творческими исканиями, душевными переживаниями, с его мужественным характером.

В 80-е годы - начале 90-х годов появляются мемуары А. Я. Панаевой, Н. Г. Чернышевского, Г. З. Елисеева, Н. К. Михайловского, посвященные самому значительному периоду в жизни Некрасова, с момента его первых шагов в литературе до времени, когда он стал главою демократической поэзии и демократической журналистики. Заслуга этих мемуаристов в том, что они раскрыли образ Некрасова и его жизнь профессионального литератора на широком общественно-литературном фоне, во взаимоотношениях с современниками, в борьбе за передовое искусство.

Одним из инициаторов собирания мемуарной литературы о Некрасове был известный историк общественной мысли и русской литературы А. Н. Пыпин. При его содействии появились мемуары Н. Г. Чернышевского, А. Ф. Кони; сам он написал содержательные воспоминания о Некрасове и его литературном окружении. В то же время опасения Пыпина об "анекдотических вещах", которые могут привлечь внимание мемуаристов, не были напрасными. В 80-е - 90-е годы в печати появилось немало воспоминаний с тенденцией к поверхностному и предубежденному рассказу об этом выдающемся деятеле русской культуры. Народник П. В. Григорьев (Безобразов) опубликовал в газете "Правда" (1883), издававшейся за границей, "воспоминания", представлявшие Некрасова "революционным" фразером {"Воспоминания о Н. А. Некрасове" П. В. Григорьева перепечатывались в сб. "Звенья", III--IV, 1934, стр. 647--659.}. Беллетрист Н. В. Успенский из-за мелочных личных счетов "отомстил" поэту клеветой в своей книжке "Из прошлого" (1889). Музыкальный критик Ю. К. Арнольд, встречавшийся с Некрасовым в 40-е годы, представил в своих воспоминаниях (1892--1893) начинающего писателя как ловкого дельца и карьериста. Некоторые другие авторы ограничивались описанием мелочных, чисто бытовых фактов. Все это послужило поводом для полемического выступления А. Н.

Пыпина в 1903 году: "Недавно только закончились "Некрасовские дни" - довольно многочисленные воспоминания, старые и новые, по поводу двадцатипятилетия со смерти Некрасова. Нельзя сказать, однако, чтобы эти "дни" проходили удачно. Лишь в немногих случаях привелось читать или слышать суждения и приговоры, подобающие воспоминаниям в такую минуту" {А. Н. Пыпин. Н. А. Некрасов. - "Вестник Европы", 1903, No 11, стр. 66.}. А. В. Кугель в это же самое время иронизировал по поводу разных "воспоминателей": "Увы, они вспоминают совершеннейшие пустяки. Некрасов будто бы пил чай большими глотками, а он ("воспоминатель") сидел напротив..." {Ното новус (А. В. Кугель), Воспоминания о Некрасове. - "Петербургская газета", 1902, No 355, 27 декабря.}

И все же именно в первые двадцать пять лет, прошедших после смерти поэта, были написаны и опубликованы основные мемуарные произведения о Некрасове, авторами которых стали его родные, сотрудники его журналов, писатели, друзья. Двадцать пятая годовщина со дня смерти Некрасова вызвала новый приток мемуарной литературы. По образному выражению М. А. Антоновича, "на расстоянии исторического выстрела" фигура Некрасова вырисовывалась более отчетливо; рельефнее, резче определилось значение его деятельности - поэта, редактора, издателя. Запальчивость суждений, высказанных по "горячим следам" событий, уступила место спокойному, трезвому осмыслению жизни и деятельности Некрасова. Время заставило пересмотреть многие факты, уточнить некоторые оценки. Это сказалось и в воспоминаниях самого М. А. Антоновича, выгодно отличающихся своим тоном, широтой взгляда от некролога, написанного им же в год смерти поэта, и в мемуарах бывших сотрудников "Современника", "Отечественных записок" А. М. Скабичевского, Д. П. Сильчевского, П. И. Вейнберга, Г. Н. Потанина и др. Плодотворны были усилия юбилейной комиссии, созданной в Ярославле к двадцатипятилетию со дня смерти Некрасова, в разыскании лиц, встречавшихся с поэтом в разные годы его жизни в "некрасовских местах". Так возникли интереснейшие записи воспоминаний крестьян, воспоминаний М. Н. Горошкова о гимназических годах Некрасова.

Некрасов встречался, был в деловых и дружеских отношениях с государственными, общественными деятелями, писателями, артистами - людьми из различных сфер русского общества. Главы о нем в мемуарах А. Ф. Кони, Н. А. Лейкина, А. А. Плещеева, появившиеся в печати уже после двадцатипятилетия со дня смерти поэта, во многом отличаются от более ранней мемуарной литературы. Этим авторов уже занимают не столько личные отношения, не полемика по частным вопросам, не интерес к интимной стороне жизни поэта, но в гораздо большей степени возможность показать Некрасова в более широких литературных и общественных связях, в историко-литературной перспективе.

Последующие годы уже не могли дать такой богатой литературы о Некрасове. Люден, лично знавших поэта, помнивших его, оставалось все меньше и меньше. Однако благодаря усилиям В. Е. Евгеньева-Максимова были записаны и опубликованы воспоминания З. Н. Некрасовой (незадолго перед ее смертью), а в первые послереволюционные годы - воспоминания деятеля народнического движения А. Г. Штанге, а также воспоминания крестьян Ярославского края.

История создания мемуарной литературы о Некрасове по существу завершается 1927--1928 годами, временем, когда отмечалось пятьдесят лет со дня смерти поэта. В ту пору были написаны воспоминания Н. П. Некрасовой, Вас. И. Немировича-Данченко и А. А. Плещеева (в новой редакции). Единственно известная запись более позднего времени (1938) - воспоминания А. Ф. Некрасова, племянника поэта.

Мемуарная литература о Некрасове насчитывает около двухсот названий {Библиография мемуарной литературы о Некрасове по русским дореволюционным изданиям составлена С. Тер-Микельян: "Некрасовский сборник" под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова и Н. К. Пиксанова, Пг. 1918, стр. 113--173. Библиография по советским изданиям (1917--1946) составлена Л. Добровольским и В. Лавровым: "Литературное наследство", т. 53--54, Изд-во АН СССР, М. --Л. 1949, стр. 545--555.}, она очень пестра, разнохарактерна по своему содержанию и по своей направленности. Среди них есть и такие, авторы которых, вспоминая о встречах с Некрасовым, об отношениях с ним, ограничиваются только тем, что освещают лишь отдельные моменты его жизни, отдельные эпизоды, раскрывающие его связи с современниками. Здесь порой слишком мало рассказывается о творческой работе Некрасова, об истории

возникновения тех или иных его произведений, авторских суждений о них. В мемуаристике о Некрасове недостаточно полно запечатлено слово поэта, его живая речь, его реакция на "быстротекущую жизнь", его размышления о проблемах и событиях эпохи, явлениях искусства. Некоторое исключение в этом смысле представляют воспоминания Чернышевского, Суворина, Пыпина и А. А. Буткевич.

И все же мемуарная литература дает возможность получить живое и в целом вполне достоверное впечатление о неповторимой, глубоко оригинальной индивидуальности Некрасова, о его подвижнической борьбе с самодержавием, бюрократическим аппаратом власти, цензурой за революционно-демократические издания, литературу большого гражданского звучания, за интересы народа и его великое будущее.

* * *

В свое время М. Горький в "Самарской газете" напечатал фельетон "Как ссорятся великие люди". В фельетоне сопоставлялись мемуары о писателях, написанные на Западе и в России. "Возьмите биографические статьи французов о Бальзаке, который работал из-за денег, что не помешало ему творить бессмертные вещи, и сравните их с русскими воспоминаниями о Некрасове хотя бы.

В первом случае вы увидите, что пишут главным образом о Бальзаке-литераторе, во втором вам ясно станет, что речь идет о Некрасове - картежнике и носителе шинели с бобровым воротником...

У вас сразу бросается в глаза желание не забыть рассказать публике о темных и антипатичных сторонах характера того лица, которое служит объектом воспоминаний, и это видно даже у такого крупного и несомненно человека высокой культуры духа, как г. Н. К. Михайловский" {"Самарская газета", 1895, No 81, 18 апреля.}.

Горькому возражал Короленко: "Мне кажется, что Вы вполне неправы и вообще (жизнь общественного деятеля всегда будет на виду, что ни говорите против этого) - и особенно в частности по отношению к статье Михайловского о Некрасове. Не Михайловский раскопал те биографические черты, о которых Вы говорите: об этом была давно целая литература: Минаев написал когда-то едкую "пародию" на эту именно тему, Жуковский и Антонович написали против Некрасова брошюру, была целая масса мелких нападок. Михайловскому приходилось или отрицать это, или отказаться совсем от портрета покойного Некрасова. Первое было бы ложью, второе - предоставило бы простор клевете. Он выбрал третье - он признал правду и сумел защитить память покойного другими сторонами его деятельности" {В. Г. Короленко, Собр. соч., т. 10, Гослитиздат, М. 1956, стр. 227. Пародии Д. Д. Минаева ("Обманутая муза" и "Песня Еремушке") были напечатаны в "Искре" в 1866 г. в ответ на выступление Некрасова в Английском клубе с приветствием к М. Н. Муравьеву.}.

В этой полемике каждый прав по-своему. Горький, нетерпимо относящийся к мемуарам, авторы которых проявляли преимущественный интерес к интимной жизни того или иного литератора, к его быту, личным слабостям, в 1912 году заметил: "Посмотрите, как долго мы помним, что Пушкин писал лестные стихи Николаю I, Некрасов играл в карты, Лесков - автор романа "На ножах" и т. д. Это-- злая память маленьких людей, которым приятно отметить проступок или недостаток большого человека, чтобы тем принизить его до себя" {М. Горький, Статьи 1905--1916 гг., изд. 2-е, "Парус", Пг. 1918, стр. 95.}.

В. Г. Короленко утверждал в своем роде тоже бесспорную истину, полагая, что мемуарист не может игнорировать противоречивых черт некрасовского характера. Вся сложность заключается в том, чтобы понять их, эти живые черточки "портрета" Некрасова и объяснить их, исходя из объективной оценки личности поэта, не оставляя места досужему вымыслу или откровенному предубеждению. Не всем мемуаристам в полной мере удалось это условие соблюсти. Суворин, например, услышав как-то от поэта признание, что он убивал в себе "идеализм", развивал "практическую сметку", свел его "жизненную философию" к умной деловитости, практицизму. Достоевский, который сам думал, что Некрасов в свое время был искушен демоном "самообеспечения", не согласился с точкой зрения Суворина, с тем, что

Некрасов только предприимчивый редактор, издатель, готовый служить и богу и мамоне. "А если так, - писал Ф. М. Достоевский, - то совершенно приходится примириться с образом человека, который сегодня бьется о плиты родного храма, кается, кричит: "Я упал, я упал". И это в бессмертной красоте стихах, которые он в ту же ночь запишет, а назавтра, чуть пройдет ночь и обсохнут слезы, и опять примется за "практичность", потому-де, что она, мимо всего другого, - *и необходима*. Да что же тогда будут означать эти стоны и крики, облекшиеся в стихи? Искусство для искусства - не более, и даже в самом пошлом его значении, потому что он эти стихи сам похваливает, сам на них любит, ими совершенно доволен, их печатает, на них рассчитывает: придадут, дескать, блеск изданию, взволнуют молодые сердца. Нет, если все это оправдывать, да не разъяснив, то мы рискуем впасть в большую ошибку и порождаем недоумение..." {Ф. М. Достоевский, Полное собр. художественных произведений, т. XII, ГИЗ, 1929, стр. 357.}

Действительно, все было не так просто.

Мемуары М. Антоновича, Н. Чернышевского, А. Панаевой, Ип. Панаева опровергают ходячие представления о "разладе" слова и дела поэта, его неискренности, делячестве, своекорыстии.

Лица, близко знавшие Некрасова, создают иной его портрет, гораздо более многокрасочный, психологически более сложный и более значительный. Жизненные испытания, постоянная борьба сначала с крайне неблагоприятными житейскими обстоятельствами, с нуждой, позднее с идейными противниками, с цензурой, сделали Некрасова человеком волевым, душевно стойким, предприимчивым, исключительно целеустремленным. Все общавшиеся с ним отмечают его выдающийся, проницательный, живой ум. А. Н. Пыпин считал, что Некрасов "по уму и общественному пониманию едва ли не превосходил всех", входивших в круг "Современника". П. И. Вейнберг писал: "... Николай Алексеевич был редкого ума человек, и таких людей мне почти не приходилось встречать" {Паспарту, У П. И. Вейнберга, - "Петербургская газета", 1902, No 348, 19 декабря.}. Артист М. И. Писарев разделял эту же оценку: "... Некрасов был человек необычайного ума. Я в жизни своей не встречал таких умных людей, как Некрасов" {Рах, Встречи с Н. А. Некрасовым. У М. И. Писарева. - "Новости", 1902, No 355, 25 декабря.}. "Огромный ум" Некрасова поражал и Суворина.

Это был человек высокого полета мысли, широкого, непредубежденного взгляда на жизнь. А. М. Скабичевский, Н. К. Михайловский были уверены, что Некрасов мог бы стать государственным деятелем, путешественником-первооткрывателем, ученым - словом, выдающимся человеком на любом поприще, в любом деле. Михайловский писал: "И как бы ни пригнула его судьба к земле, в нем никогда не исчезали желание и способность искать глазами небо" {Н. К. Михайловский, Литературные воспоминания и современная смута, т. I, СПб. 1900, стр. 66--67.}. Вел он жизнь, по верному наблюдению П. Д. Боборыкина, не "кружковую", не замкнутую в стенах своей редакции, своего кабинета, но, как говорится, "на людях" и в живейшем тесном общении с ними.

В зрелые годы поэт иногда казался человеком суровым, даже порой недоброжелательным. П. И. Вейнберг вспоминал: "... он был очень замкнут, никогда ничем особенно не возмущался и не радовался. Обладая громадной силой воли, он ко всему относился как-то сдержанно, и уж энтузиастом его никак нельзя было назвать. Хотя он и относился ко многим в высшей степени хорошо, но разжалобить Николая Алексеевича было немислимо... Я бы, пожалуй, и не назвал его суровым, в сущности он таким и не был, а только к людям, которым он не симпатизировал, он относился очень тяжело. У него был какой-то особенный взгляд, который я еще при его жизни сравнивал со взглядом гремучей змеи. Он умел этим взглядом "убивать" не симпатичных ему лиц, не говоря при этом им ни неприятностей, ни дерзостей. В этом отношении он был очень сдержан". Да, действительно, в последний период жизни он был более сдержан и обладал, как свидетельствует Н. А. Белоголовый, "необыкновенным умением владеть собою". Некрасов сам признавался: "В жизни многие люди терпят от излишней болтливости, я же часто терпел от противоположного качества..." {Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем т. XI, М. 1952, стр. 373.} И он же часто нуждался в собеседнике, не раз перед ним он обнажал свою душу в "живой и умной летописи литературы

и жизни", - как назвал эти исповеди А. С. Суворин. Они были необычны в своей искренности, страстности, в строгом порой самоанализе. Его автобиографические рассказы - и объяснения и оправдания, суд над собой и над обществом. "Он то хватался за какой-нибудь отдельный эпизод своей жизни,-- писал Н. К. Михайловский, - то пробовал подвести ей общий итог, запинаясь и опять начинал. В сравнении с этою страшною сценой - ничто, детские игрушки - те щеголеватые публичные исповеди, авторы которых самодовольно заявляют, что они отрясли прах прошлого от ног своих и достигли высшей ступени нравственного сознания" {Н. К. Михайловский, Литературные воспоминания и современная смута, т. I, СПб. 1900, стр. 84.}.

Вас. И. Немирович-Данченко назвал Некрасова человеком с "трудной памятью к самому себе". А. Я. Панаева часто находила его в "убийственном настроении", когда он казался "сам себе противен". В Некрасове постоянно шла "тяжелая работа совести" (Н. К. Михайловский). Можно сказать, что душа его не знала состояния покоя. Он то мучился сознанием "непоправимо" сделанного, то тяготился своими "барскими" привычками; часто в такие минуты, по наблюдениям той же Панаевой, он в пример себе ставил Добролюбова: "Мы все перед ним должны краснеть за свои слабости, которыми заражены". Себя же Некрасов карал особенно строго, судя по воспоминаниям А. Г. Степановой-Бородиной, называл бойцом, не умеющим выстоять перед грозой. Он признавался своей сестре: "Человеку на роду написано делать глупости, это несомненно; лишь бы полегче с рук сходило, но надо быть или более сильным, или более слабым, чем та фигура, которую я собою представляю, а то, право, тяжело иногда" {Н. А. Некрасов, Полное собр. соч. и писем, т. XI, М. 1952, стр. 153.}. У многих современников создавалось впечатление, что в этих его страданиях, которые выражались с такой непосредственностью, оставалось еще "что-то загадочное, невысказанное, затаенное от всех посторонних взглядов" (Н. К. Михайловский). Достоевский находил в его лирической исповеди "страстные песни и недосказанные слова", а Вас. И. Немирович-Данченко приводит интереснейшее его суждение о поэте: "Дьявол, дьявол в нем сидит! Страстный беспощадный дьявол!"

Многих из тех, кто встречался с Некрасовым в последние годы его жизни, поражали в нем его необычайная, требовательность к себе, болезненное отношение к своим былым ошибкам и "грехам", муки совести, причинявшие ему жестокие страдания. Эти мотивы - во многих его последних стихах.

А. М. Скабичевский был прав, утверждая, что нельзя Некрасова представлять "ходячим идеалом".

А. Н. Пыпин записал слова Некрасова о народном характере: "При всей беде, порче, необузданности с мягкими человеческими чувствами в основании..." {"Современник", 1913, No 1, стр. 232.} В них, быть может, и скрыт в какой-то мере ключ к пониманию личности самого поэта, в котором были ярко выраженные национальные черты, точно подмеченные крестьянами, теми, с кем он постоянно общался во время деревенских каникул, на охоте, в совместных поездках по родному краю.

Воспоминания крестьян - особый мемуарный жанр; в них преобладают элементы народного сказа, эпоса с идеализацией "героя" повествования. За всем этим скрывается безмерное уважение и любовь крестьянского люда к поэту. "Приезжие мужики, - по свидетельству А. Я. Панаевой, - поверяли ему свои радости и горе". В. М. Гаршин записал такой разговор с одним из них об умершем поэте: "... Человек был души прекраснейшей, хорошей души" {Институт русской литературы АН СССР (ИРЛИ). Архив В. М. Гаршина, ф. 70, ед. 57.}.

Отношение Некрасова к народу, по верному замечанию П. Д. Боборыкина, - было сердечным, любовным, но без излишней сентиментальности, достаточно трезвым и объективным. Крестьяне относились к нему с доверием, ценя в нем отзывчивость, естественность, демократизм, чуткое отношение к их нуждам. В крестьянских воспоминаниях можно найти такие бытовые детали, такие черточки характера, которые могли быть замечены только ими, общавшимися с поэтом тогда, когда он отдыхал от суеты и тревог петербургской жизни.

Воспоминания о Некрасове довольно полно освещают его выдающуюся журнально-издательскую деятельность, его роль как собирателя и организатора лучших литературных сил России. В 40-е годы вокруг Некрасова и Белинского сгруппировались писатели, связанные с "натуральной школой", а затеянные ими издания завоевывали нового, демократического читателя. "Петербургские" сборники способствовали появлению в литературе многих новых имен, впоследствии ставшими выдающимися русскими писателями. Из эмоционального рассказа Д. В. Григоровича, из воспоминаний Достоевского читатель живо представит себе, как Некрасов и Белинский открыли никому тогда не известного автора "Бедных людей".

В мемуарах освещается также исключительная роль Некрасова в становлении демократической журналистики. А. Я. Панаевой воспроизведена история приобретения Некрасовым и И. И. Панаевым "Современника" и его преобразования в орган русской революционной демократии, а Г. З. Елисеев сохранил для нас подробности такого значительного эпизода, как переход "Отечественных записок" из рук А. А. Краевского в руки бывших соредкторов "Современника".

Главная забота Некрасова состояла в том, чтобы создать журнал "с современным направлением", отвечающим демократическим настроениям русской публики, истинным потребностям русского общества. "С каждым днем, - говорил Некрасов, - заметно созревают все новые и новые общественные вопросы, надо заняться ими не с снотворным педантизмом, а с огнем, чтобы он наэлектризовал читателей, пробудил бы в них жажду к деятельности". По-видимому, нельзя ручаться за точность передачи Панаевой всех этих слов Некрасова, но смысл его рассуждений не вызывает сомнений, что также подтверждается книжками "Современника" и другими свидетельствами. В. П. Боткин жаловался на отказ Некрасова помещать в "Современнике" статьи "составные", то есть компилятивные, переводные: "Мы хотим, - передавал Боткин свой разговор с Некрасовым, - помещать статьи преимущественно о России и оригинальные. Я замолчал. Этот разговор я живо запомнил, потому что тон Некрасова мне показался жестким" {Письмо В. П. Боткина В. Г. Белинскому от 4 февраля 1847 года. - "Литературная мысль", Пг. 1923, стр. 189.}

В 50--70-е годы в России было известно несколько талантливых, влиятельных организаторов журнального дела: Г. З. Благовестлов, А. В. Дружинин, А. А. Краевский, А. С. Суворин. Почти все мемуаристы отдают предпочтение Некрасову. Они свидетельствуют, что успех "Современника", а затем и "Отечественных записок" во многом обязан таланту Некрасова как редактора, его широкому кругозору, его виртуозным способностям проводить журналы сквозь цензурные рогадки, а главное - знанию, выбору своих сотрудников.

Участники его изданий восхищались его редким "умением ценить даровитых людей и верить им" (Н. К. Михайловский). Чернышевский в своих воспоминаниях подробно описывает историю своего прихода в "Современник". В 1854 году перед ним возникла дилемма: либо остаться сотрудником "Отечественных записок" Краевского, либо перейти в журнал, издаваемый Некрасовым, еще не завоевавший популярности. Чернышевский избрал второй вариант. Его убедила логика некрасовских доводов, оказанное ему доверие, предоставленная ему свобода выбора, открытость и честность поэта, отчетливая демократическая ориентация редактора "Современника". Чернышевскому запомнилось, что Некрасов и Добролюбов "любили работать вместе, советуясь между собой, помогая друг другу". И Антоновича связало с "Современником" расположение к нему Некрасова, его вера в способности молодого сотрудника, его стиль руководства журналом. Такого рода контакты у Некрасова возникали и с другими сотрудниками. При этом он оставался редактором журнала со своим решающим словом, собственной инициативой.

В ведении "Современника" чувствовалось, по мнению Г. З. Елисеева, "умелая и ловкая рука" Некрасова. Он участвовал в составлении номера, придумывал, по словам Антоновича, "планы литературных нападений или отражений враждебных нападений", темы статей, указывал способы преодоления цензурных препон.

Решительность Некрасова, его твердость проявились особенно в период раскола между революционно-демократической и либеральной частью редакции "Современника". Уже приглашая в журнал Чернышевского, Некрасов вполне сознавал (об этом рассказывает

Чернышевский в своих мемуарах), что приход нового сотрудника будет нежелательным для эстета и либерала А. В. Дружинина, активно сотрудничавшего в конце 40-х - начале 50-х годов в "Современнике". Но Некрасов смело сделал этот шаг. В конце 50-х годов в редакции возникли разногласия между Тургеневым и Добролюбовым. Несмотря на давнюю и большую дружбу с Тургеневым, все же он отдает предпочтение Добролюбову, в котором ценит его демократические убеждения и публицистический талант. Интересы политические, в конечном счете, одержали верх над личными чувствами и симпатиями. Мемуары разных авторов, вспоминая атмосферу идейной борьбы, в которой формировалось направление "Современника", подтверждают истинность известных слов В. И. Ленина: "Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского" {В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 84.}.

Антонович называет Некрасова "идеальным редактором", зная, что он не был заражен мелким самолюбием, отлично ориентировался в общественной обстановке, обладал тонким эстетическим вкусом; это был редактор-тактик, то смело идущий на обострение в журнальной, в идейной полемике ("Пишите резче", - говорил он Добролюбову), то осторожный, трезво сдерживающий критический пыл своих сотрудников. Антонович напомнил эпизод со статьей Чернышевского "В изъявление признательности", направленной против публициста журнала "Библиотека для чтения" Е. Зарина, усомнившегося в самостоятельности покойного Добролюбова как сотрудника "Современника". Чернышевский отвечал резко и в принципе верно. Но Некрасов заметил, что такой тон неуместен в статье, посвященной "любимому и высоко ценимому человеку". "... Ужасно будет обидно, если пойдут трепать газетчики имя Добролюбова по поводу этой статейки". Чернышевский согласился с доводами Некрасова. Антонович же запомнил и другой любопытный случай (он не вошел в его воспоминания о Некрасове), который произошел со статьей Салтыкова-Щедрина "Г. г. "Семейству М. М. Достоевского", издающему журнал "Эпоха". Написана она была в 1861 году, содержала резкие полемические выпады в адрес М. М. и Ф. М. Достоевских. "Прочтя статью, Некрасов нашел ее, вследствие ее резкого по отношению к Достоевским тона, неудобную для печати, но вместе с тем отказом поместить ее в своем журнале не хотел и обидеть Щедрина. Откладывая под разными предлогами помещение статьи, Некрасов, в конце концов, заявил со всякими извинениями Щедрина, что статью он *потерял*, что он, конечно, в этом виноват, но что повинную голову меч не сечет и т. д. Щедрин вспылал, кричал, что восстановить статью он не может, так как у него не осталось копии (а это только Некрасову и надо было), и что, как угодно, а статья должна быть найдена. Некрасов, однако, стоял на своем. С течением времени инцидент этот Щедриным был, конечно, забыт, и статья его, переданная Некрасовым на сохранение одному из сотрудников "Современника" (М. А. Антоновичу. - Г. К.), так и пролежала у него до наших дней" {"Минувшие годы", 1908, No 1, стр. 77. Указанная статья Салтыкова-Щедрина впервые была напечатана в этом же номере журнала. Имя М. А. Антоновича в этой публикации названо не было.}.

Демократическое направление "Современника" не исключало, а предполагало широкое участие в нем лучших литературных сил России. Усилия Некрасова в сплочении вокруг своего журнала виднейших писателей той поры были успешны тоже благодаря его деловой инициативе и его разносторонним литературным интересам. В "Современнике" до начала 60-х годов сотрудничали писатели, ставшие гордостью русской литературы, - Тургенев, Лев Толстой, Григорович, Гончаров. В воспоминаниях Панаевой, Чернышевского можно найти немало примеров исключительного внимания к ним Некрасова; он был одним из первых вдумчивых ценителей их творчества.

В воспоминаниях часто встречается название "кружок "Современника"". Это - дружеский круг литераторов, связанных передовыми общественными, эстетическими традициями. "Характеры лиц, - констатирует А. Н. Пыпин, - были довольно разнообразны, но в целом это был лучший литературный круг того времени".

Созданию круга "Современника" содействовали "редакционные обеды", организатором которых был Некрасов. Они подробно описаны в воспоминаниях М. А. Антоновича, Н. Г. Чернышевского. На обеды приглашались литераторы, сотрудничеством которых дорожил журнал, а также артисты, музыканты, цензоры. На обедах обсуждались редакционные дела, политические новости, читались новые произведения, возникали дискуссии, споры. По словам

Антоновича, Некрасов обладал поразительной способностью "схватить всякий предмет, всякую мысль", "ловить их на лету", затем убедительно опровергнуть или еще более удачно развить доводы своих коллег. "Это были живые, веселые, интересные и поучительные обеды", - вспоминает мемуарист.

В редакции "Отечественных записок" сложился другой характер отношений сотрудников в сравнении с "Современником". Не было прежнего духа товарищества, как некогда между Некрасовым, Чернышевским, Добролюбовым, Панаевым. Причина тому - разность сложившихся интересов, идейные разногласия, которые возникали между Некрасовым и Салтыковым-Щедринным, с одной стороны, и Елисеевым - с другой. И все же в "Отечественных записках" сохранились те же демократические принципы ведения журнала, взаимоотношений с сотрудниками, которые сложились в "Современнике".

Как-то Я. П. Полонский, уязвленный отказом редакции "Отечественных записок" напечатать его поэму, упрекнул Некрасова в том, что тот не свободен в своем журнале, намекая на диктат со стороны двух других соредакторов - Салтыкова-Щедрина и Елисеева. Некрасов отвечал Полонскому: "Вы... сожалеете о порабощении моей свободы. На это скажу Вам: 1) не я один редактор "Отечественных записок"; нас трое, и мы *равноправны*, 2) никакое общее дело не может идти без некоторой взаимной уступчивости, и если я уступаю W моим товарищам, то и они мне уступают в свою очередь; если Вы точно болеете за мою свободу, то это может Вас успокоить" {Цит. по статье: Б. Н. Капелюш, Письмо Некрасова Полонскому. - "Русская литература", 1968, No 2, стр. 178.}.

Некрасов считался с мнениями Елисеева, особенно Щедрина, относились ли они к возможностям публикации тех или иных произведений или же приглашения в журнал новых сотрудников. Однако это "равноправие" не лишало Некрасова самостоятельности: он смело и уверенно руководил "Отечественными записками". Михайловскому он откровенно говорил: "Надо, не смущаясь, вести свою линию". Боборыкин отмечает "чрезвычайно драгоценное свойство" в редакторской деятельности Некрасова: "широкое отношение к работе сотрудника", понимание им сути дела, что всегда проявлялось в его советах, решениях и находило благоприятный отклик у его помощников. Такую же оценку редакторскому таланту Некрасова дают Елисеев, Суворин и другие мемуаристы.

Когда Некрасов начал издавать "Отечественные записки" (1868), его авторитет был уже бесспорен и уже никто не сомневался в будущем успехе этого издания. И. А. Гончаров писал Некрасову 22 мая 1868 года: "... Вы сами -- сила, -- говорит Стасюлевич, - и в состоянии вложить в трюм журнала ту вескую гирию, которая дает ему устойчивость. Притом у Вас есть еще талант - отыскивать и приманивать таланты: Вы щедры и знаток дела" {И. А. Гончаров, Собр. соч. в восьми томах, т. 8, Гослитиздат, М. 1956, стр. 376.}. Многие мемуаристы отмечают особенную роль Некрасова в воспитании нового поколения литераторов. А. Г. Степанова-Бородина рассказывает об исключительном внимании поэта к молодым литераторам, как он искал молодые таланты. Н. А. Лейкин, Вас. И. Немирович-Данченко поражались тем, что при первых встречах с ними Некрасов уже знал о их литературных дебютах в других журналах. Боборыкин вспоминал, как Некрасов прочитывал множество плохих, просто безграмотных тетрадок, отбирал для журнала все интересное, "порядочное", любил разговоры о начинающих стихотворцах. "Поэты, приносившие к нему свои произведения, - рассказывал А. Н. Плещеев, - всегда могли рассчитывать на его сочувственное, ободряющее слово, на полезный и добрый совет. Часто случается, что даровитые писатели бывают плохими ценителями чужих произведений, но к покойному Николаю Алексеевичу никак нельзя было применить этого; напротив, он обладал необыкновенной критической способностью, и отзывы его всегда были в высшей степени верны... Вообще это был человек сильного, выдающегося ума, и та же самая верность и ширина взгляда замечалась у него при оценке людей и фактов" {А. Плещеев, Николай Алексеевич Некрасов. - "Биржевые ведомости", 1877, No 334.}.

Писательница Л. Ф. Маклакова (Нелидова) вспоминала об одном разговоре с Некрасовым: "Меня поразил прежде всего тон Некрасова, оттенок бережной и как бы почтительной внимательности, с которой он обращался ко мне. Мы словно поменялись ролями. Не я была начинающим, никому не ведомым автором, а как будто бы он - всего только посредником, скромным просителем. Ни малейшей тени сознания своего значения, желания

играть роль, произвести впечатление не было заметно в нем. Он говорил со мною так, как будто бы я была Жорж-Занд, и он, исполняя поручения редакции, решался просить меня продолжать занятия литературой и сотрудничать в "Отечественных записках" {Л. Нелидова, Встреча с Некрасовым. - "Русское богатство", 1894, No 1, стр. 195.}.

Некрасов не подавлял самостоятельности начинающего, не диктовал, что и как писать, не делал, по словам Боборыкина, "генеральских нравоучений", а просто рассказывал, "как сам пишет". Вас. И. Немирович-Данченко воспроизводит некоторые советы Некрасова молодым литераторам. Один из них: "Старайся видеть больше. Именно видеть. Читатель смотрит, а ты видишь. Чтобы наблюдать, надо также учиться".

Очень значительной была материальная, бескорыстная поддержка Некрасовым молодых писателей. Немирович-Данченко верно замечает, что Некрасов являлся для них не издателем, а собратом, товарищем, опекуном. В воспоминаниях Ип. Панаева, Михайловского, Потанина и др. можно найти немало эпизодов заботливого отношения Некрасова к "пишущей братии". А. Н. Плещеев писал о Некрасове: "Имея вполне обеспеченные средства к жизни, но пройдя в юности школу нужды, он никогда не оставался глух к нуждам своих сотоварищей по профессии, умел войти в положение писателя и не только оказать ему помощь, но оказать ее так, что она не оскорбляла самолюбия одолженного" {А. Плещеев, Николай Алексеевич Некрасов. - "Биржевые ведомости", 1877, No 334.}. Эта щедрость поражала и таких многоопытных, издававших виды издателей, как Боборыкин и Суворин.

Интересные детали участия Некрасова в судьбе литературной молодежи приводит М. А. Антонович в статье-некрологе, посвященном поэту. "Особенно торопился был Николай Алексеевич в делах с беллетристами, - писал М. А. Антонович. - Он привязывал их к своему журналу самою любезною и щедрою предупредительностью. Как только, бывало, он заметит хотя слабенький талант, увидит писателя, подающего хотя какие-нибудь надежды, немедленно разыскивает его, узнает его положение и обстановку, которые, конечно, оказывались не блестящими, и прямо предлагает ему ссуду, мотивируя ее тем, что в подобных обстоятельствах и при подобной обстановке нельзя работать спокойно и успешно и что при другой обстановке он легко отработает эту ссуду. Предложение делалось так просто, с таким тактом, что писатель охотно принимал его, если только гнетущая нужда не заставляла его еще прежде просить об этой ссуде. И, таким образом, писатель по необходимости, по чувству признательности становился постоянным сотрудником и работником при журнале" {М. А. Антонович, Из воспоминаний о Н. А. Некрасове. - "Слово", 1878, No 2, отдел II, стр. 123--124.}. Так входили в литературу через "Современник" Николай Успенский, Гавриил Потанин, Николай Помяловский, Ф. М. Решетников, а через "Отечественные записки" Г. А. Мачтет, Вас. И. Немирович-Данченко.

* * *

Сосредоточив внимание на спорных, вызывавших разноречивые суждения сторонах редакторско-издательской деятельности Некрасова, на некоторых особенностях его личности, быта, мемуаристы более скупно рассказывают о творческой жизни поэта. И все же в воспоминаниях о Некрасове можно найти интереснейшие факты, касающиеся поэтической работы Некрасова.

И. И. Панаев, Д. В. Григорович, А. А. Алексеев вспоминают, как Некрасов вступал в литературу, как его друзья содействовали изданию первого сборника стихов поэта "Мечты и звуки", как он сочинял для театра пьески, водевили, приносившие ему "пяتيالтынный" и спасавшие его от голодной смерти.

Рождение Некрасова как поэта произошло несколько позже, в середине 40-х годов, когда, по его словам, был сделан "поворот к правде" под влиянием критических работ Белинского, Герцена, Анненкова, когда Белинский восторженно принял его новые стихи, заметив, что они "проникнуты мыслью". Пора поэтического самоопределения Некрасова нашла отражение в мемуарах И. И. и А. Я. Панаевых, В. А. Панаева, наиболее близких в то время к поэту. Они воскрешают литературное окружение Некрасова, начало его успеха, приводят отзывы Белинского. В кругу Панаевых, Белинского Некрасов привлекал к себе внимание своей исключительной жизненной судьбой, необыкновенными стихами. Уже в конце 40-х - начале 50-

х годов Некрасов как поэт становится известным за пределами Петербурга. Характерно признание известного историка, профессора Московского университета Т. Н. Грановского, относившегося к издательской деятельности Некрасова, к кругу "Современника" недоверчиво, предубежденно. "Некрасов приезжал, - писал Т. Н. Грановский осенью 1853 года. --... Раз стал он нам читать стихи свои, и я был поражен непонятным противоречием между мелким торгашом и глубоко и горько чувствующим поэтом. Есть вещи необыкновенно хорошие. Впрочем, он пишет мало стихов. Не до стихов мне, говорит он" {"Т. Н. Грановский и его переписка", т. II, М., 1897, стр. 431.}.

"Память у него была удивительная..." - вспоминал П. М. Ковалевский. Он мог прочесть наизусть любое из своих стихотворений и, по словам Панаевой, помнил хорошо "массу стихотворений и других русских поэтов". По ее же наблюдениям, Некрасов стихи часто сочинял вслух, прохаживаясь по комнате; когда стихотворение было готово, он его записывал на первом попавшемся клочке бумаги.

Многое и значительное было написано Некрасовым в Карабихе. По наблюдениям Антоновича, "лучшие его произведения того времени были задуманы и отчасти обработаны летом в деревне, вдали от столичной суеты, от журнальных и клубных хлопот, забот и развлечений". То же самое подтверждал Боборыкин, вспоминая Некрасова в более позднее время. Боборыкину удалось подметить (как, впрочем, в другое время и Суворину) состояние Некрасова в минуты творческого экстаза - после удачной охоты, в деревенском доме, когда, по словам поэта, "голова так разгоралась, что образы пошли, как живые". Воспоминания приоткрывают завесу над творческой лабораторией его лучших произведений: "Кому на Руси жить хорошо" (мемуары А. Ф. Кони, Г. И. Успенского), "Княгиня М. Н. Волконская" (мемуары М. С. Волконского), "Размышления у парадного подъезда" (воспоминания А. Я. Панаевой), "Коробейники" (воспоминания А. А. Буткевич). Разнообразные типы русских мужиков, представленных в поэмах и стихотворениях писателя, драматизм судьбы русских женщин-декабристок, подробности быта столичного города и заурядного села - все исторически достоверно, имеет реальные источники. А. А. Буткевич, рассказывая о встречах Некрасова с охотниками, мужиками, деревенскими бабами, пишет: "редкий раз не привозил он из своего странствия какого-либо запаса для своих произведений". Одно характерное "словечко", услышанное в народе и записанное им, могло быть ключом для целого рассказа. Этот факт подтверждает и Глеб Успенский, который воспроизводит очень ценное признание поэта о своей работе над поэмой "Кому на Руси жить хорошо". В поэму должен был войти "весь опыт", данный Некрасову изучением народа, "все сведения о нем, накопленные, по собственным словам Николая Алексеевича, "по *словечку*" в течение двадцати лет".

Эти же мемуары ценны еще и тем, что воспроизводят интересные детали творческой работы Некрасова, его восприимчивость, эмоциональность. Переживания, вызванные чтением "Записок" М. Н. Волконской, горькие чувства при виде мужиков, толпившихся у парадного подъезда министра-вельможи, так или иначе сказались в атмосфере его поэтических творений.

"Постоянно будить надо" - так передает А. Ф. Кони характерную для Некрасова мысль о долге поэта. Революционно-демократическая убежденность не была у Некрасова головной, умозрительной, а чем-то органическим, естественным для всего его мироощущения. Он имел право так сказать о себе: "Каковы бы ни были мои стихи, я утверждаю, что никогда не брался за перо с мыслью, что бы такое написать или как бы что написать: позлее, полиберальнее? - Мысль, побуждение, свободно возникавшее, неотвязно преследуя, наконец, заставляло меня писать. В этом отношении я, может быть, более верен свободному творчеству, чем многие другие" {Н. А. Некрасов, Полное собр. соч. и писем, т. X, М., 1952, стр. 331--332.}.

Воспоминания М. С. Волконского, Г. И. Успенского, А. С. Суворина интересны как раз тем, что они рассказывают о поэте, его взглядах на то, что и как надо писать, какое художественное решение является наиболее соответствующим его замыслу. Некрасов раскрывается здесь как художник, отвергающий общепринятые каноны, ищущий и смелый. В этом смысле интересен эпизод, приведенный Волконским, из которого видно, как дорожил поэт своими поэтическими находками, какое значение придавал удачно найденной, необходимой ему как автору, сценой встречи княгини М. Н. Волконской с мужем-декабристом на каторге. В то же время Некрасов подчас сурово оценивал свои стихи, был очень внимателен к чужому мнению, охотно отдавал

свои произведения на суд знакомых, литераторов, близких ему друзей. "Русские женщины" читались в Карабихе, в семье поэта Плещеева, сыну декабриста М. С. Волконскому, критику П. В. Анненкову. Анненков вспоминал: "... он (Некрасов) приходил в мою семью и прочитывал свои новые поэмы, выслушивая мои, может быть, и ненужные, заметки и соображения, по он обладал такой широтой разума, что понимал истинные основы чужих мыслей и мнений, хотя бы и не разделял их" {Из письма П. В. Анненкова А. А. Буткевич от 12 апреля 1879 года, ИРЛИ, ф. 203, ед. хр. 97.}.

Подлинно поэтическая натура Некрасова особенно впечатляюще раскрывается в воспоминаниях, посвященных последним годам его жизни, времени тяжелой болезни, невероятных страданий. Несмотря на мучительный недуг, не прекращалась творческая работа, даже, наоборот, многое делалось более отчетливым, и, по признанию самого Некрасова, "голова была полна поэтическими образами". С необыкновенной проникновенностью, искренностью, обнажающей вес муки поэта, его думы, его переживания, связанные с приближением неотвратимой развязки, были написаны "Последние песни". Порой он не мог сам писать, тогда он диктовал свои стихи, порой же наступали такие страшные дни, когда он не мог ни писать, ни диктовать. Но все мемуаристы (Н. А. Белоголовый, А. А. Буткевич, А. С. Суворин, А. Н. Пыпин, П. И. Вейнберг) отмечают, что Некрасову хотелось самому подвести итоги своей жизни, выговориться то стихами, то рассказами. "Последние песни" стали его поэтическим завещанием.

1877 год, последний год его жизни, был богат крупными творческими успехами: завершена новая глава поэмы "Кому на Руси жить хорошо", продолжалась работа над поэмой "Мать", начатой в 60-е годы {Некоторые любопытные факты о работе Некрасова над этой поэмой содержатся в воспоминаниях Г. Квятковского: "Niekrasów". - "Kraj", 1883, No 49.}. Из воспоминаний Суворина и Пыпина известно о замысле поэмы "Без роду, без племени", о намерении написать "Сказку" "вроде пушкинских". Все это свидетельствует о том, что в творчестве поэта последних лет его жизни сохранилось стремление к эпическим изображениям, к фольклорным мотивам и образам (образ степи в поэме "Без роду, без племени", образ царя и воеводы в "Сказке"), к утверждению идеи гражданственности и принципов гуманизма, к лирической оценке событий.

Особая тема мемуаров - борьба Некрасова с цензурой за каждую книжку журнала, за каждый сборник стихов. Н. А. Белоголовому Некрасов с горечью говорил, что цензурные ножницы полосовали его в течение тридцати семи лет, на всем протяжении его литературной деятельности. В воспоминаниях Панаевой, Буткевич, Кони много внимания уделено страданиям поэта, причиненным ему цензурой. Нередко Некрасов бросал перо, не перенося, как он говорил Кони, издевательств цензуры "над здравым смыслом и трудом писателя". Терпигорев вспоминает как Некрасова возмущали цензурные притеснения, унижения писателя. В цензурных условиях того времени русский литератор, по образному сравнению Некрасова, похож на собаку, которую заставили тащить в зубах плетку... Но все-таки Некрасов находил силу воли, мудрую тактику, позволявшие ему и в тисках цензуры издавать журналы, печатать свои произведения. Антонович, Михайловский, Ковалевский, Терпигорев запомнили того Некрасова, который умел изобретать "щиты и громоотводы" от цензуры - то с блеском использовал эзоповский стиль, то прикармливал цензоров обедами, то приглашал их в Английский клуб, то на охоту. "На каждого зверя - особая ведь уловка должна быть", - говорил Некрасов про свои отношения с цензорами. В Некрасове, по справедливым словам П. Д. Боборыкина, "сидел настоящий борец за русскую мысль и слово", уточним - за демократическую мысль, за литературу, отвечающую интересам народа.

* * *

Одна из главных тем мемуаров о Некрасове - поэт и революционная Россия. Некрасов стал глашатаем передовых идей революционной демократии. Популярность Некрасова среди прогрессивно настроенной молодежи была громадная, имя его было окружено особым ореолом. "... Каждый из нас, людей тогдашнего молодого поколения, - пишет А. Г. Степанова-Бородина, - жаждал хоть издали взглянуть на любимого поэта, хоть послушать его на литературном чтении..." О большой популярности Некрасова - чтеца своих стихотворений, о его особенной, привлекательной манере чтения - особенным проникновенным, усталым,

глухим, певучим голосом - вспоминают А. Ф. Кони, Плещеев и другие мемуаристы {См., например: Л. Ф. Пантелеев, Воспоминания, Гослитиздат, М. 1958, стр. 223.}. Молодежь видела в Некрасове своего героя, певца народного горя, верящего в будущее России. Он для нее был символом борьбы с самодержавием, бюрократией, цензурой. Именно такими его представляли себе юный А. А. Плещеев, Д. П. Сильчевский. И хотя Боборыкин справедливо говорит, что Некрасов писал, работал не во имя славы своей, не для того чтобы стать чьим-то кумиром, но он был таковым для молодого поколения 60--70-х годов. Многие современники поэта в своих воспоминаниях передают эту исключительную страстную увлеченность стихами Некрасова, веру молодежи в свой идеал поэта - провозвестника передовых революционных идей.

Добролюбов писал 20 сентября 1859 года своему товарищу И. И. Бордюгову в Москву: "Милейший! Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить "Песню Еремушке" Некрасова, напечатанную в сентябрьском "Современнике". Замени только слово *истина* -- *равенство*, *лютой подлости* -- *угнетателям*; это опечатки <...>. Помни и люби эти стихи: они дидактичны, если хочешь, но идут Прямо к молодому сердцу, не совсем еще погрязшему в тине пошлости. Боже мой! Сколько великолепнейших вещей мог бы написать Некрасов, если бы его не давила цензура!.." {Н. А. Добролюбов, Собр. соч. в девяти томах, т. 9, "Художественная литература", М. --Л. 1964, стр. 385.} П. А. Дементьев, один из деятелей земского движения, вспоминал уроки русской словесности в начале 60-х годов в Петербургской гимназии, которые вел В. Я. Стоюнин. "Сначала он прочел нам "Мчатся тучи, вьются тучи" Пушкина. Затем взял другую книжку и, не обозначая имени автора, сказал просто: "А это отрывок", - и прочел конец "Парадного подъезда", начиная со слов: "Родная земля..." <...>. Мы в тот же день разыскали, кто был автор поразившего нас отрывка, и открыли имя Некрасова. И я до сих пор думаю, что эпизод этот сыграл огромную роль в жизни всех наиболее сознательных товарищей. Некрасов на время заменил нам Лермонтова и Пушкина, и мы очень скоро знали наизусть все, что он написал до тех пор" {Старый земец (П. А. Дементьев), Некрасов и шестидесятники. - "Слово", 1907, No 340, 28 декабря.}. То же самое происходило и в провинции. Писатель Иер. Ясинский, учившийся в Нежинской гимназии, вспоминал, как был сорван один литературный вечер. Гимназист Петр Филонов вместо реферата об оде Державина "Бог" хотел сделать доклад о Некрасове, "полубоге новейшей поэзии". "Литературный вечер не состоялся, да, сколько помнится, он был и последним при мне.

Но зато он положил начало популярности Некрасова среди учащихся. Вся нежинская молодежь - и гимназисты, и студенты, и молоденькие чиновники - стали знакомиться с творениями Некрасова. Как раз вышли его стихи в четырех томиках и появились в недавне открытой библиотеке г-жи Ситенской. Одного экземпляра оказалось мало. Было выписано еще три экземпляра, потом пришла целая партия, и собрание его сочинений быстро раскупалось. Поклонникам "музы мести и печали" хотелось иметь Некрасова у себя и для себя. Как только соберутся где-нибудь на частной квартире студенты и гимназисты, уже, смотришь, выходит кто-либо из них на середину комнаты и наизусть читает задушевым голосом "Парадный подъезд", или "Сашу", или "Железную дорогу" {Иер. Ясинский, Роман моей жизни. Книга воспоминаний, ГИЗ, М. --Л. 1926, стр. 58.}. Не удивительно, что Г. Н. Потанин, приехавший из провинции в Петербург, записал в дневнике: "У всякого гимназиста <...> вы найдете целые пуки, целые тетради так называемых по-холопски запрещенных стихотворений, и первое место из них и самое большое число из них принадлежит, без сомнения, Некрасову!" {ИРЛИ, 3821/XXI, б. 3, л. 44 об.} Молодой С. Н. Терпигорев вспоминает, как он часто всматривался в окна квартиры Некрасова, "которого обожал за его стихотворения и за которого, как говорится, душу бы всю отдал".

И вдруг "падения" поэта во имя спасения "Современника", закрытие журнала, его переговоры с А. А. Краевским об аренде "Отечественных записок", породившие сплетни о "перемене" Некрасова, его новой ориентации, - все это вызывало у его поклонников сомнения, досаду. "Мне, - писал Н. К. Михайловский, - горячему почитателю поэта, самому случалось слышать злорадные возгласы: "Ну, что ваш Некрасов? Хорош?!" Нехорош, конечно, но как же горько и обидно было признать это... Оскорбление, нанесенное моей юной душе Некрасовым, было слишком велико..." {Н. К. Михайловский, Литературные воспоминания и современная смута, т. I, СПб. 1900, стр. 47.} Однако творчество Некрасова 70-х годов, преобразование им "Отечественных записок" в демократический журнал развеяли прежние опасения, вернули доверие к поэту. Воздействие поэзии Некрасова на революционно настроенную молодежь в 70-

е годы стало еще более глубоким, чем в предшествующее время {О влиянии поэзии Некрасова на революционные круги 1870-х гг. см. в кн.: А. М. Гаркави, Н. А. Некрасов и революционное народничество, "Высшая школа", М. 1962.}.

Последние произведения Некрасова - своеобразный задушевный диалог поэта с "читателем-другом", "читателем-гражданином", народом, которому он вверял свое литературное дело. которому он отдавал себя на строгий суд. Некрасов писал в 1874 году:

Меж двух огней я шел неутомимый.
Куда пришел? Клянусь, не знаю сам,
Решить вопрос предоставляю вам.

Враги мои решат его согласно,
Всех меряя на собственный аршин,
В чужой душе они читают ясно,
Но мой судья - читатель-гражданин.
Лишь в суд его храню слепую веру.
Суди же ты, кем взыскан я не в меру!

(*"Уныние"*)

Читатель отвечал признательностью, уважением, преклонением перед своим поэтом. "Тех, что учили нас любить и мыслить, - пишет Г. А. Мачтет, - мы ставили так высоко, как им, конечно, никогда и не снилось, а пыль, приставшую к их подошвам, - потому что они, как и все, ходили по земле, - мы умели отделить от их светлого духовного образа".

Некрасов в свою очередь сочувственно относился к революционно-народническому кружку молодых литераторов (Д. П. Сильчевский, П. В. Григорьев, А. А. Ольхин, А. В. Круглое, Г. А. Мачтет), группировавшихся вокруг редакции "Библиотеки дешевой и общедоступной". Из воспоминаний Сильчевского, Мачтета мы узнаем о дружеских отношениях Некрасова с этой группой молодежи. В его наставлениях слышен требовательный голос человека, много испытавшего, познавшего трудные дороги жизни, выработавшего свои твердые убеждения. "Вот что, отец, - говорил Некрасов Сильчевскому, - занимайтесь делом, а не пустяками и не разбрасывайтесь по сторонам, ни в жизни, ни в сочинениях. Не библиография важна: важно только одно - любить народ, родину, служить им сердцем и душой".

Любовь молодого поколения к Некрасову, признание его заслуг проявились и во время предсмертной болезни поэта, его похорон. Некрасова, по воспоминаниям Н. А. Белоголового, "поразил своей неожиданностью взрыв общественного сочувствия к нему". После опубликования "Последних песен" в январской книжке "Отечеств. зап." за 1877 год он стал получать массу писем и телеграмм от отдельных лиц, от коллективов из разных мест России. Его посещали знакомые и незнакомые люди, депутации; одну из таких встреч описал А. Г. Штанге. Незадолго до смерти произошло примирение с Некрасовым двух известных русских писателей, которые в свое время по разным причинам с ним разошлись, - Тургенева и Достоевского, оставивших об этом "последнем свидании" яркие и поэтические воспоминания.

Для угасавшего Некрасова эта общественная поддержка имела особое значение. Она свидетельствовала о признании величия его заслуг перед Россией, ее народом, ее искусством, поддерживала в нем веру в себя, в свое дело. "Он, видимо, вырос в своих глазах и оживился, - писал в некрологе Г. З. Елисеев, - поняв, что Россия ценит его заслуги и дорожит им" {Г. З. Елисеев, Внутреннее обозрение. - См. сб. "Пролетарские писатели - Некрасову", "Московский рабочий", 1928, стр. 70.}.

Любовь к поэту, уважение к нему нашло свое яркое выражение в том, как хоронил его Петербург, передовая русская общественность. "Это были первые грандиозные похороны русского писателя..." - вспоминал П. И. Вейнберг. Грандиозные не только по внешним масштабам, но и по внутреннему накалу, резкому столкновению мнений, готовности революционно-народнической молодежи силой, в случае необходимости, защищать свои идеалы, право выполнить свой долг перед памятью художника-демократа.

На похоронах Некрасова столкнулись различные общественно-политические силы, по-разному оценившие место Некрасова в истории России. Либеральная пресса стремилась извратить демократическую сущность поэзии Некрасова и доказывала, что "поэт говорил о страданиях не какого-нибудь класса народа, сословия или кружка, а о страданиях нас всех, без различия сословий, состояний, пола, возраста" {Похороны Некрасова. - "Новое время", 1877, No 661.}. Именно эту мысль высказал на панихиде профессор богословия М. Горчаков.

Кульминационным моментом на похоронах стала речь Ф. М. Достоевского. Для него Некрасов, как и Пушкин и Лермонтов, выразитель человеческих страданий и народной правды. Судя по воспоминаниям Короленко, Достоевский утверждал, что Некрасов последний великий поэт из "господ". "Придет время, и оно уже близко, когда новый поэт, равный Пушкину, Лермонтову, Некрасову, явится из самого народа..."

Слова Достоевского, его сопоставление Некрасова с Пушкиным и Лермонтовым, вызвали протестующие возгласы из толпы молодежи. Для нее Некрасов был выше Пушкина. Плеханов впоследствии писал: "Что касается взгляда на Некрасова, как на величайшего из русских поэтов, то его разделяла в то время вся наша радикальная интеллигенция. Когда Достоевский в своей речи у могилы Некрасова сказал, что он "должен прямо стоять вслед за Пушкиным и Лермонтовым", то из некоторых групп присутствовавшей на кладбище революционной молодежи закричали: "Он был выше их, да, выше". Пишущий эти строки сам принадлежал к числу кричавших" {Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VI, ГИЗ, М. --Л. 1925, стр. 388.}.

Спор молодежи с Достоевским внешне парадоксален. Достоевский справедливо отвечал: "... я не равняю Некрасова с Пушкиным, я не меряю аршином, кто выше, кто ниже, потому что тут не может быть ни сравнения, ни даже вопроса о нем. Пушкин, по обширности и глубине своего русского гения, до сих пор есть как солнце над всем нашим русским интеллигентным мировоззрением. Он великий и непонятый еще предвозвеститель. Некрасов есть лишь малая точка в сравнении с ним, малая планета, но вышедшая из этого же великого солнца. И мимо всех мерок: кто выше, кто ниже, за Некрасовым остается бессмертие, вполне им заслуженное..." {"Дневник писателя", 1877, No 12, стр. 317.}

Симпатии молодого поколения к Некрасову вполне объяснимы. Некрасов был им ближе, современнее Пушкина. Историк и писатель Д. Мордовцев, сотрудник некрасовских журналов, вместе с молодежью кричавший "выше! выше!", был убежден в том, что "по глубине и нестираемости черты, проведенной поэзией Некрасова по русской мысли, по всеобъемлемости идеи - идеи "спасения" слабого и бедного от нужды, горя и гибели... он станет в глазах будущих историков России неизмеримо выше Пушкина и Лермонтова" {Д. Мордовцев, Об историческом значении Некрасова как поэта. - "Древняя и новая Россия", 1878, т. I (февраль), стр. 140.}. Эту же мысль проводил Г. З. Елисеев в журнальном отчете о похоронах поэта, вырезанном из "Отечественных записок" цензурой. Он противопоставил похороны Некрасова похоронам Пушкина и в то же время справедливо подчеркивал, что общественное признание Некрасова - торжество демократического направления в литературе, которому служил поэт.

* * *

Со страниц воспоминаний перед нами постепенно встает живой Некрасов с его драматическим внутренним миром, с его характером, полным диссонансов и вместе с тем глубокого человеческого обаяния. В зеркале этих воспоминаний Некрасов виден и в жестоких столкновениях с тяготами жизни, и в борьбе с самодержавием, и в широких связях с передовой Россией, как одна из значительнейших фигур демократической журналистики и русской литературы. Мемуарные источники в своей совокупности и при учете их специфики, своеобразия позиции, занимаемой авторами воспоминаний, дают живое представление о поэте, его личности, его творческой индивидуальности, его эпохе. В этом единстве изображения жизни и творчества писателя, его общественного окружения - несомненная ценность воспоминаний, предлагаемых вниманию читателя.

Г. Краснов.